

Клим Ким

Заполярное детство

По эту сторону колючей проволоки

Клим Владимирович Ким
Заполярное детство. По эту
сторону колючей проволоки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27097393

ISBN 9785448565359

Аннотация

Эта книга – воспоминания о детстве, проведенном в Заполярье в районе строительства железной дороги в сторону Воркуты, Салехарда, Надыма, где работали приемные родители автора. Последняя глава – это рассказ о том, как автор, спустя 62 года, посетил город, в котором закончилось его детство.

Содержание

О путешествии в детство	5
От автора	7
Глава первая. Москва	10
До войны	10
Начало войны	16
Глава вторая. Абезь	17
На стройке	18
Как я решил стать поваром	24
Школа в абези	26
Глава третья. Кожва	32
Школа в Кожве	32
Местное население	35
Печорская семга	38
Про сложности личной жизни	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Заполярное детство По эту сторону колючей проволоки

Клим Владимирович Ким

Редактор Ольга Фатыховна Реймова

Иллюстратор Клим Влядимирович Ким

© Клим Владимирович Ким, 2017

© Клим Влядимирович Ким, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-6535-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О путешествии в детство

Ольга Реймова

член Союза писателей России

Эта книга посвящена событиям давно минувших лет. Автор, Ким Клим Владимирович, Лауреат Премии Ленинского комсомола, кандидат физико-математических наук, математик и программист с 60-летним стажем тепло и трогательно, местами с душевной болью рассказывает о своём детстве, которое прошло в Заполярье в тяжёлое время 40-ых и 50-х годов прошлого столетия.

При чтении этой книги ощущаешь рядом с собой близко-го человека, с которым переживаешь все события, описанные в этой книге. Именно так рассказывает автор читателям о годах свалившихся на наших людей тяжелых испытаний, которые вместе со взрослыми преодолевали и их дети. Перед глазами стоит маленький мальчик, который всеми силами своей чистой детской души старается принять жизнь, в которую окунула его жестокая судьба. И особенно ценно, что он сохранил в своей памяти не только северный мороз, не только житейские трудности. Он сохранил любовь людей, которые не поскупились на душевное тепло и обогрели его. И эта любовь оберегла его самого и его сестру, несмотря на жестокую потерю репрессированных родителей в раннем возрасте.

Любовь родной тётки и её мужа, совсем ещё молодых людей, смогла защитить этих детей от лютой судьбы. С преданной любовью автор рассказывает об этих молодых приёмных родителях. И так же тепло он вспоминает свою репрессированную родную маму, которая вернувшись из заключения, нашла в себе силы не нарушать сложившиеся семейные отношения в новой семье своих детей.

Восхищают описанные автором люди, которые сыграли большую роль в его жизни. Его воспоминания об учителях и врачах и о тех, кто был по эту и по другую сторону колючей проволоки. Как люди, не щадя себя, в мороз и стужу, в самые трудные годы строили мосты для перевозки угля из Воркуты. «Отец – главный инженер с утра до вечера пропадает на строительстве огромного моста, который надо пустить в кратчайшие сроки, от этого зависит судьба страны. Воркутинский уголь нужен, как воздух».

И заключительные слова Клим Кима: «я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность вспомнить мою историю, и за то, что эта история имеет счастливый конец.» вызывает у читателя восхищение и благодарность, потому что эти воспоминания значительны для нас, для всех. Это наша история и история нашей страны.

От автора

Судьба распорядилась так, что после того, как моих родителей репрессировали, мое детство прошло в Заполярье, потому что мои приемные родители работали на строительстве железной дороги в сторону Воркуты, Салехарда, Надыма. Об этом случайно узнал историк Вадим Гриценко. Его книга «История Мертвой дороги», основанная на использовании архивных материалах, считается наиболее объективным и полным исследованием одного из крупнейших проектов освоения Севера. В книге в основном представлен и проанализирован обширный фактический материал о использовании в этом проекте труда заключенных.

При встрече Вадим сказал мне, что он хотел бы отразить историю этой грандиозной стройки более полно, чем только описанием лагерей и лагерных порядков. Но оказалось, что о жизни по эту сторону колючей проволоки имеется очень мало информации. Про это никто не писал. Я вспомнил, что в 50 годы вышел роман «Далеко от Москвы». Там описаны будни вымышленной великой северной стройки. Мои родители и их друзья с интересом читали этот роман, потому что узнавали живых людей, с кого были написаны герои этой книги. Отдавали автору должное но, разумеется, критиковали за «лакировку» действительности. В романе описывался героизм строителей. На вымышленной стройке не было за-

ключенных, хотя прообразами некоторых героев были крупные специалисты нашей стройки, отбывающие по каким-то причинам наказание. Роман написан по заказу политических служб. Автор, заключенный, известный литератор, был досрочно освобожден и вроде получил сталинскую премию, но я не знаю точно.

Я в свою очередь рассказал Вадиму, что с 1952 года я живу в Москве, закончил МГУ, работаю в Академии Наук, и, честно говоря, мало вспоминал о своем северном детстве. Но для своих детей и внуков давно собирался написать воспоминания о своей жизни, в том числе и о детстве. И, пожалуй, не против заняться этим немедленно. Если он сочтет необходимым принять во внимание что-то из написанного, я возражать не буду. На этом мы и сошлись.

Мне кажется, что там, где протекало мое детство, была во всем своем многообразии такая же жизнь, которой в то время жила вся наша большая страна. Там были свои радости и огорчения, трудности и преодоления, свои особенности и специфика, которые, может быть, не совпадали со спецификой других мест. Например, за хлебом меня посылали не в магазин, а в лагерную пекарню. Стричься, мыться, лечить зубы, смотреть кино, я ходил в зону. Моя нянька была заключенная литовка, но, как большинство нянек, ругала и лупила меня всегда только за дело, а так очень любила. Уходили на фронт добровольцы из числа заключенных, рассчитывая не возвращаться больше в лагерь, и они в ко-

нечном счете оказывались там же, где сражались рабочие, колхозники, служащие, студенты. И смерть не интересовалась кто и откуда ее жертвы. Я постарался написать только то, что сохранила моя память. Вспоминать детство в моем возрасте оказалось очень не просто. Одному богу было известно, почему в памяти застряли именно эти, а не другие картинки, голоса, события. Как будто сидишь перед большой картонной коробкой, в которой в полном беспорядке лежит ворох старых фотографий, писем, рисунков. И еще коробочки, которые начинают звучать, если их поднести к уху. Но в их голосах совсем отсутствуют живые ощущения, чувства, вопросы, эмоции. А если таковые возникают, то они наверное не из старой коробки. Они рождаются в моей душе сейчас, сегодня, спустя несколько десятков лет. Я вижу себя в прошлом со стороны, как будто это не я, а совсем другой мальчик, живущий в другой стране. Сейчас мне хочется узнать, угадать, что он думал и чувствовал тогда, но это невозможно. И чтобы воспоминания обрели реальную форму их приходится додумывать, дополнять сведениями, полученными позднее. В заключение обязан предупредить читателя, что единственным достоверным фактом является то, что мои приемные родители действительно работали на строительстве железной дороги, которая должна была протянуться вдоль полярного круга от севера Республики Коми до Игарки.

Глава первая. Москва

До войны

Просыпаюсь. Один в небольшой комнате. Комната заперта, ключ на подоконнике. На столе тарелочка каши и чаша воды. Поел. Сажу на полу, играю в кубики. В окошко стучит сестра. Она первоклассница, вернулась из школы. Выбрасываю ей ключ. Она открывает дверь, входит, угощает меня вкусной школьной булочкой. История моей семьи закончилась в 1937 году, когда родителей арестовали. Отец исчез навсегда, мать попала в женскую колонию. До этого они жили прекрасно в доме Коминтерна в Капельском переулке. Здесь не место комментировать события того времени. По рассказам знаю, что нас с сестрой усыновила Гера, младшая сестра матери, студентка пединститута, срочно выйдя замуж за Володю Кима, поклонника, единственного, кто не отвернулся от нее. Он работал на севере по комсомольскому призыву от Московского Метростроя.

Нянька Лена, девчонка из ярославской деревни, которая жила у моих родителей, устроилась на работу на завод, получила маленькую комнатку в бараке при заводе, и мы там все жили.

Место называлось поселок «Сокол». Лена рано утром уходила на завод, Гера в институт, сестра в школу. Первое время меня запирали и бросали ключ в форточку. Когда приходили свои, я выбрасывал его обратно. Именно с этой сцены начинаются мои воспоминания о жизни. Гера всегда любила рассказывать разные забавные случаи из жизни, которые постепенно превращались в семейные легенды. Одна из таких

легенд такова. От меня всегда прятали сахарницу, потому что я съедал весь сахар. Однажды сестра не дождалась ключа из форточка, а услышала детский плач. Я весь в соплях и слезах сидел под потолком на шкафу и ревел. Оказывается я заметил, что сахарница стоит на шкафу. Я подвинул стол, поставил табуретку и залез на шкаф. Сахар съел, но слезть не смог.

Когда я подросток, мне разрешили гулять. Я целыми днями слонялся с приятелями по улицам, не уходя слишком далеко от дома. Наши бараки стояли на пустыре рядом с туннелем, по которому поезда вылезали из под земли и уползали на отдых в депо. Это была окраина, асфальт был только на проезжей части, а пешеходы ворошили ногами песок. Мы бродим по остановкам и многолюдным пяточкам у ларьков, ищем в песке копейки, покупаем мороженое. Мороженое достают из бидона, опущенного в бочку со льдом, набивают в круглую формочку между двумя вафельными кружочками. Ловким движением продавщица выдавливает из формочки вожделенную таблетку, и вот уже ты счастливый лижешь ее по окружности, нажимая двумя пальцами на вафельные кружочки.

Летом 1939 года ездили на пару недель на север навестить Володю. Точно не помню, где это было. Наверняка республика Коми, недалеко от железной дороги на Воркуту, южнее Печоры, севернее Вычегды. Припоминаю красивое название «Княж Погост». Володя работал на строительстве железнодорожных мостов, поэтому в дальнейшем мы всегда жили около какой-нибудь реки. Теплое лето. Уютная деревня. Живем в ухоженном деревенском доме. В деревне почему-то много красивых молодых девушек полячек. Сейчас понимаю, что это ссыльные. Светлыми вечерами посиделки, иногда танцы. Володя флиртует с девушками, Гера ревнует. Господи, им всего по 25 лет! Мы с Герой тоже пользуемся большим успехом. Гере приносят в подарок ягоды и сушеные грибы молодые воры, отсидевшие свой срок.

Меня постоянно носят на руках, тискают и целуют молодые полячки. Сижу на крылечке, у калитки появляется ба-

рышня. «Ходи до мене!» Я подбегаю, и она мне дает маленькую заводную игрушку, кувыркающуюся обезьянку. Мы присаживаемся на корточки и долго заставляем обезьянку преодолевать ямки и бугорки на тропинке, подкручивая заводную пружинку. Наверняка эта любимая игрушка покинула дом вместе с хозяйкой. Теперь понимаю, как трудно и тоскливо в первое время было жить в ссылке молодым девочкам, которых так далеко от дома занесли события мировой геополитики.

Глядя на свою детскую фотографию понимаю, что я сам был как игрушка. Гера рассказывала, как однажды в зале ожидания на каком-то вокзале я запел. Весь зал собрался вокруг и как зачарованный слушал, как поет трехлетний ребенок. Гера говорит, что я исполнил весь песенный репертуар радиокomiteта. Я этого не помню. Может это очередная легенда из серии «про маленького Климку». Но петь я люблю до сих пор. А сама Гера была очень хорошенькой, просто как китайская фарфоровая статуэтка, рост метр пятьдесят, туфли 32 размера, при этом излучала огромную энергию обаяния. Представляю, как мы смотрелись в этой глубинке. Когда спустя два года мы мыкались в сентябре 1941 год по дороге на север, Геру часто спрашивали: «Девочка, вы потерялись? Кто ваши родители?»

Яркие сцены остались из отпуска, проведенного на реке Вырь. По реке в высокую воду сплавляли лес. Река в том месте, где мы жили, была не судоходная, летом тихая и мелкая.

На реке отдыхали без дела «боны». Это приспособления, которые помогают вести сплав. Это длинные плавучие плети шириной в четыре бревна. Один конец жестко и крепко закреплен на берегу. По всей длине на некотором расстоянии друг от друга под бревнами устроены своеобразные «рули» – широкие доски, которые можно закрепить под разными углами. Устанавливая рули в разные положения, можно, используя течение реки, управлять расположением бонов, делая из них коридоры, ловушки, которые можно при необходимости открывать и закрывать. Там, где течения нет, в прибрежных заливах обычно устраивают «запани» из таких же бонов. В запани принимают сплаваемый лес, хранят, накапливают, вытаскивают на берег. Ходить по боннам было нашим любимым развлечением. Во многих местах боны были оборудованы легкими шаткими перилами. Однажды мы дошли до конца бона. И вдруг бревна под ногами разошлись, наверное в этом месте их собирались наращивать или укорачивать. Я успел ухватиться за перила и повис в щели между бревнами. Сестра, как всегда, закричала, а если бы была возможность, то начала бы лупить. «Дурак! вылезай скорее, а то сейчас получишь!» Я благополучно выбрался, мы вернулись назад до развилки и пошли дальше по другому бону.

Начало войны

В первый и последний раз я испытал настоящий страх во время ночной воздушной тревоги. До этого тревоги были учебные. Мы обычно спускались по туннелю в метро, а после отбоя также спокойно и буднично возвращались. Но однажды меня разбудили ночью. Я запомнил, что нянька Лена никак не могла надеть мне сандалики, потому что руки и ноги у меня тряслись. Больше ничего не помню.

Вскоре, после этого, мы отправились к Володе на Север. Лену не отпустили, завод, на котором она работала, был военным. Корейцев на фронт не брали. Володя руководил СММК 1 —Строительной монтажно-мостовой конторой номер один СевЖелДорЛага. Мы добирались к нему долго и трудно. Но к зиме оказались в поселке около строящегося моста через реку Усу, в пяти километрах от станции Абезь. Володя и Гера попросили меня и сестру называть их не по имени, а папой и мамой. С этого момента вплоть до лета 1952 года начинается мое северное детство. В этот период и несколько лет потом, мы и люди, нас окружающие, и дети, и взрослые так и называли себя — «северяне».

Глава вторая. Абезь

Поселок Абезь был административным центром стройки. Там находилось много всяких управлений, служб, учреждений системы Гулага. Работали в основном вольнонаемные, приехавшие на заработки, а также и военнослужащие. Спустя несколько лет я прожил зиму в семье Лукацких – приятелей родителей. Тетя Зина была стоматолог. Кем работал дядя Леня я толком не знал. Но на работу он ходил в военной форме. Рядом жили их родственники. Абрам Прицкер служил прокурором. Его сыновья приставали к нему, и он давал им поиграть незаряженный пистолет ТТ.

На стройке

Период с осени 1941 по осень 1942 года – один из самых интересных в моем детстве. Мне шесть лет. Я толстый любопытный пацан, в школу не хожу, поэтому полностью предоставлен самому себе. Окружающие взрослые меня любят, ни в чем не ограничивают. Отцу с матерью некогда, они погружены в новую важную работу. Отец – главный инженер с утра до вечера пропадает на строительстве огромного моста, который надо пустить в кратчайшие сроки, от этого зависит судьба страны. Воркутинский уголь нужен, как воздух. Мать – ринулась налаживать клубную работу в зоне. В своей работе она как всегда неукротима (до сих пор все удивляются как ей, студентке, удалось уберечь нас с сестрой от детского дома!). Устраивала бурные сцены мужу из-за отсутствия нужного оборудования в клубе, из-за талантливых заключенных, которых по ее мнению следовало освободить от работы в котлованах. Она разыскала профессиональных музыкантов, артистов, художников. Конечно, ее многие использовали и подводили. Особенно так называемые бытовики, проворовавшиеся торгаши и жулики. Ведь, несмотря на высшее образование, она была наивной девчонкой из корейской слободки Владивостока, которая только в 14 лет приехала в Москву, не умея говорить по-русски. Но, в целом, зэки ее любили и помогали, чем могли.

Утром меня кормила кухарка Дуня, одевала, и я шел на «объект». Прямо от барака тропинка спускалась на лед, выходила на большую дорогу поперек реки. Вдоль дороги располагались три огромных котлована, заполненных людьми, строениями, механизмами. Такое я видел потом только в кино. Жизнь в котлованах кипела. Стены были сверху ледяные, потом земляные. Люди долбили мерзлую землю ломами и кирками, кидали лопатами мерзлые комья на ленты транспортеров, которые выносили их наверх и потом кучи земли куда-то сдвигали. Деревянные сараи – это была опалубка будущих опор или как их называли «быков». Пространство внутри сараев было заполнено решетками арматуры. Стоял грохот, шумели механизмы, вспыхивали голубые огни электросварки. В минуты передышки рабочие сидели на бревнах или перевернутых тачках и курили. Меня все знали, угощали сухарями, называли главным прорабом. Я присаживался рядом, спрашивал «а это что?» мне все рассказывали и объясняли. Охранники не обращали на меня внимания или тоже участвовали в разговорах.

В шесть лет я неплохо знал технологию возведения мостовых опор на дне рек с использованием метода промораживания. К концу зимы три быка установили на дне реки, их связали стальными фермами. По мосту ходили пешком. Ездили не дрезине. Но до открытия движения поездов было еще далеко. А впереди страшное испытание – ледоход. Перед быками были сооружены ледорезы. Сруб в форме ботинка носком против течения заполнен камнями и бетонными чушками. Наклонная часть заостренная вверх, укреплена рельсами. По идее, большие льдины должны были наползать на эти ботинки и ломаться. Обломки должны проплыть между быков. На ледорезах были сделаны площадки. Туда заранее завезли мешки с взрывчаткой. Во время ледохода там должны были дежурить взрывники и помогать ломать льдины с помощью динамита.

Ночью мы проснулись от грохота взрывов. Окна выхо-

дили на реку, которую застилал дым. Стоял не громкий, но устрашающий гул движущейся массы льда. Вода прибывала на глазах. В просветах дыма мы видели фигурки людей, выбегающих с мешками взрывчатки на лед, и спешно возвращающихся на ледорезы.

Битва продолжалась двое суток. Временами появлялись просветы чистой воды. Но коварная река не сдавалась. На отдаленных подступах прорывало очередной затор. И после чистой воды снова появлялись огромные во всю ширину реки льдины. Они приплывали издалека, на них не было заранее подготовленных лунок для взрывчатки, и они вновь и вновь терзали полуразрушенные ледорезы. К концу вторых суток образовался большой затор ниже моста, и вода в реке стала угрожающе подниматься. Над поверхностью льда торчали только площадки ледорезов. Взрывники побежали на берег, перепрыгивая через полыньи. Если бы я был начальником, я бы их всех освободил досрочно. С моста им опускали веревки. Я не знаю, спаслись ли они все. Трое суток поселок не спал, никто не уходил от окон. Отец, как и все руководство конторы двое суток сидели на мосту. Кухарка и мама носили им еду и чай. Потом отец сказал, если бы мост рухнул, то уходить с него заранее не было смысла. Мост устоял и вскоре по нему пошли поезда.

В СММК-1 было много политических. Из них состоял весь инженерный состав, управленческий персонал, имеется в виду не режимный, а управляющий производством и материально техническим снабжением. Некоторые заключенные имели всесоюзные пропуска, ездили в центральные города, использовали старые связи и знакомства. Понятно, что только «злые режимники» и «измученные зеки с лопатами» не смогли бы построить железнодорожный мост, на железобетонных опорах, связанных металлическими фермами. Рядом с зоной стояли бараки, где жили вольнонаемные. Так что мост построили вольнонаемные и заключенные – инженеры, конструкторы, технологи, механики, электрики, сварщики, плотники, пекари, врачи, парикмахеры, художники, артисты, музыканты, землекопы, конюхи, зоотехники, ветеринары. Вопрос, почему часть из них были заключенными,

а часть вольными здесь обсуждать не будем. Но могу твердо сказать – построить в кратчайшие сроки этот спасительный для страны мост старались все.

Как я решил стать поваром

Еще одно значительное событие в моей жизни в этот период – увлечение «общепитом». В поселке была столовая. Она находилась недалеко от конторы вне зоны. Работали в ней заключенные, питались все служащие, и вольные, и заключенные с постоянными пропусками. В один прекрасный день столовую возглавил Тимофей Яковлевич, бывший шеф-повар одного из московских ресторанов. Я в детстве очень любил покушать. Наигравшись прогулками в котлованы, я стал ходить в столовую. Мне поручали крутить колесо мясорубки, чистить картошку. Самое интересное было поработать в зале.

Обычно мне доверяли обойти посетителей и собрать у них выбитые в кассе чеки. Я собирал у одного стола чеки, приносил их на раздачу, а там комплектовали поднос для этого стола. Потом я обслуживал следующий стол и т. д. Шеф был обаятельным человеком, румяным и пухлым, с ласковой речью. Блюда он называл с любовью уменьшительными названиями. Котлетки, булочки, супчики, сухарики, компотик. Вскоре я твердо решил стать поваром, когда вырасту. Все эти эпизоды не случайны. Оказалось, что больше всего в жизни я люблю готовить вкусную еду. Я достиг в этом, как любитель больших высот, и способности мои были, наверное, врожденные. Я не готовлю изысканные блюда. Никогда

не пользуюсь рецептами, даже своими. Готовлю самые простые блюда на глаз, используя подручные средства. Но получается, как правило, очень вкусно. Повторить вкусное блюдо не всегда удается даже мне самому. Не помогает даже, если используется точный рецепт. Думаю, что процесс готовки управляется на уровне подсознания. Очень зависит от настроения и куража. Как правило, получается вкуснее, когда есть небольшой цейтнот. Тогда блюдо готовится крупными смелыми мазками, как говорят художники. Но, конечно, бывают и неудачи. Особенно когда из ничего пытаюсь приготовить что-то вкусное. Бывает, что это «ничего» трудно победить. «Работа» в столовой продолжалась недолго, появились новые увлечения. Но дома я всегда торчал на кухне, помогал кухарке, например, мыл посуду в первой воде, когда посуда жирная и грязная. Месил тесто, крутил мясорубку, лепил пирожки и пельмени.

В моей семье и дети и внуки, все любят готовить и поесть вкусную домашнюю еду. К нам любят ходить гости. Некоторыми блюдами они могут полакомиться только у нас.

Школа в абези

Абезь – большой поселок. Школа -десятилетка. Строгие чинные учителя, в основном приезжие на заработки, дорожат своим местом. В школу я пошел осенью 1942 года. Когда меня записывали, мне еще не исполнилось 7 лет, а в школу принимали с восьми. При этом я был маленьким даже для своего возраста. Но я уже считал как арифмометр, знал много песен и стихов. Меня приняли. Но учиться оказалось очень трудно. Просидеть неподвижно четыре урока при моем характере было пыткой. Кроме того, я был сильно избалован вниманием и любовью взрослых. Первые месяцы учебы оказались для меня черным периодом. Я был угрюмым и вредным, плохо учился, ужасно писал, так как был ярко выраженным левшой и правая рука меня не слушалась. Так как привык быть любимчиком, очень трудно переносил свои неуспехи. Учительница мною не интересовалась, просто ставила в тетрадке «плохо», Абезь большой поселок и классы были переполнены. Мама уставала от меня, не выдерживала и иногда плакала и лупила меня от бессилья. Слава богу, она уехала на полгода на Алтай, туда где оказался ее московский институт. Там она доучилась и получила диплом. Помаленьку все наладилось, и я стал обыкновенным первоклассником. Понятно, что о школе и учебе в первом классе я ничего вспомнить не могу. Но есть пара ярких картинок

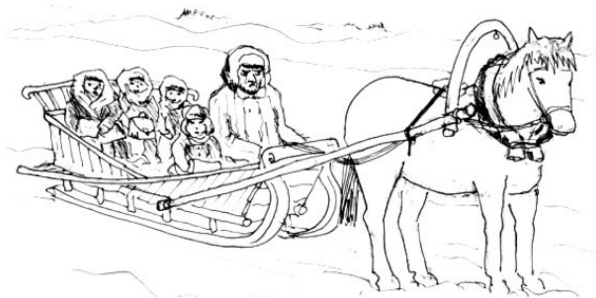
этого времени.

В сентябре погода стояла хорошая, и мы ходили домой из школы пешком, чтобы не держать у школы зря лошадь. Сестра училась в третьем классе, дорогу знала хорошо. Меня перед школой одели во все новое. Костюмчик из крепкого, очень плотного сукна. Поскольку курточка и штаны были маленького размера они сидели на мне как скафандр и сильно сковывали, я ходил медленно и неуклюже. А новые тесноватые ботинки с калошами сразу натерли щиколотки до мокрых мозолей. Сестра была легкой и быстрой, я толстый и неуклюжий. Всю дорогу она меня торопила и понукала. Когда ее терпенье кончалось, она начинали меня пихать в спину, давать пинков. Однажды я упал и не захотел вставать. Она схватила меня за ляжки от штанов, и подняла. Одна ляжка оторвалась и повисла до земли. Она схватила эту ляжку и буквально поволокла меня к дому. Когда дома с меня сняли ботинки, оказалось, что носочки были насквозь мокрые от лопнувших волдырей на щиколотках. Пришлось посидеть несколько дней дома, пока раны не зажили. Однако, хочу чтобы «ужасная» сцена была понята правильно. Я тогда чувствовал интуитивно, а сейчас и подавно, что в этой истории сестра страдала гораздо больше, чем я. Что мне? Ну, болят ноги, неохота торопиться, надулся, отстаньте все, что хочу то и делаю. Я вообще-то очень упрямый, своенравный, терпеливый к физическому дискомфорту. Как партизан. Бедная сестричка! Очень эмоциональная, умная,

ответственная, вынуждена вести этого надутого упрямяца домой, а он ничего не говорит, не жалуется, не просит пожалеть и помочь. Нервы не выдерживают, она срывается, чуть не плачет. Точно также я доводил до слез и маму Геру.

Зима. От поселка до школы около пяти километров. Меня, сестру и еще трех детей возят в школу на лошади. На конюшне всегда держали «выездную» лошадь, легкие сани, красивую упряжь. В трех километрах от нашего поселка располагался совхоз «Феон», и оттуда тоже возили детей в школу. Санная дорога была проложена по реке. Очень часто возницы устраивали «гонки». Все было по правилам, лошадь должна была бежать рысью, если она переходила на галоп, это был позор для экипажа. Мы переживали, орали как угорелые. Это были незабываемые моменты.

Интересно живы ли наши соперники, помнят ли они эти гонки? Конюхи и возчики нашего экипажа были заключенными. Но они прекрасно знали свое дело. Кобылка «Ленка» была всегда в прекрасной форме. Сани и сбруя – красивые и нарядные. Гонки проходили с переменным успехом. Совхоз «Феон» находился дальше от Абези километра на 3. Это был настоящий богатый совхоз. Так что лошади у них были наверняка лучше. Могу ошибаться, но гонялись мы с детьми директора совхоза, братом и сестрой Крупельницкими. ФЕОН и сейчас есть на карте, но, к сожалению, в интернете общается, что сейчас совхоз обанкротился.

Разруха сельского хозяйства северных районов России – это особая тема. На мой взгляд, более важная, чем история сталинских лагерей. Преступление, которое совершили прорабы перестройки в отношении сельского хозяйства – основы традиционного образа жизни населения огромной территории – не имеет исторических аналогов. Пресловутое раскулачивание «отдыхает», так как сельское хозяйство тогда не исчезло, наоборот, выдержало страшное напряжение войны без помощи извне, а сегодня нас кормит весь мир. Огромное стадо крупного рогатого скота бело-пестрой породы, созданного в средней полосе и на севере оказалось безвозвратно уничтожено. Меня поражает равнодушие всего населения, к этому факту. Здесь не место это обсуждать. Просто в памяти возникают картины из детства, которые сегодня кажутся фантастическими По дороге из школы в небольшом поселке Усть-Воркута нам приходилось останавливать теле-

гу и подолгу ждать, когда пройдет стадо. Такого стада я в своей жизни больше нигде не видел. Не сотни, а тысячи тучных коров, телок и бычков шли плотным потоком плечо к плечу. Ждать иногда приходилось больше часа. После того как стадо удалялось, лошадь с трудом тащила телегу утонувшую в навозе и грязи на пол колеса. Иногда со стадом проходили и быки. Громадные туши до 4 х метров длиной, с широчайшей грудной частью, полтора метра от загривка до грудины, находившейся на уровне передних колен, толстенное стальное кольцо в носу. Я таких потом видел только в мультфильмах. Это происходило в Коми, почти около полярного круга, в первые послевоенные годы. И вот спустя 70 лет все это стадо исчезло! Те, кто это натворил сегодня, богатые и и счастливые.. А ведь раньше за такие вредительства отправляли строить железные дороги.

На всю жизнь запомнил урок, полученный от отца. Как-то утром, я замешкался и вышел к саням последним. Место рядом с возчиком, которое я считал своим, было занято. Я заявил, что на заднем сиденье не поеду. Возчик щелкнул кнутиком, и сани умчались. Я растерялся, делать было нечего, я пошел домой, не зная, что делать дальше. Но дальше оказалось очень просто. Проснулся Володя, вышел позавтракать увидел меня и спросил, почему я не в школе. Кухарка вынуждена была все ему рассказать. Отец подумал, потом велел снять штаны. Три раза крепко приложил по мягкому ме-

сту ремнем и спокойно сказал «одевайся и марш в школу пешком». Я с энтузиазмом отправился в путь, и в прекрасном настроении явился к третьему уроку. Отцу спасибо, если бы не его «помощь», я до сих пор бы стыдился, так как сам очень не люблю капризы.

Осенью 1943 года мы погрузились в теплушки и переехали в поселок Кожва.

Глава третья. Кожва

Школа в Кожве

Кожва – станция и село на берегу Печоры в республике Коми. Школа в Кожве – это счастливое детство. Учителя – местная сельская интеллигенция. У них нет квартир в Москве или Ленинграде. Красивые и умные женщины. Минимум условностей, но твердое соблюдение главных школьных правил – добросовестно учиться, не врать, не хулиганить, не курить, не воровать. Емкая и образная речь. Мне кажется, что двуязычье сделало местный русский язык своеобразным, выразительным и красивым. После общения с равнодушными приезжими учительницами в Абези, я просто влюбился в этих простых теток – наших учительниц. Они сразу заметили и мою любознательность и лояльность, желание учиться, желание быть на хорошем счету. Почему-то в сельских школах было принято сажать классы вместе: 1 с 3, и 2 с 4. Я формально был второклассником, но подсказывал и помогал всему четвертому классу. Одноклассники и друзья – русские и коми – тоже интересная публика. Мне казалось, что они рождались уже с лыжами на ногах. Сугроб около школы всегда был сплошь утыкан большими и маленькими лыжами, без лыж ходить было не принято. А в общении

у нас в ходу был мат, и у девчонок тоже. И говорят обо всем без стеснения. Я в начале ужаснулся. Потом привык и перестал обращать внимание. Потому что ни грязи ни разврата на самом деле в школе не было. В основном треп, к которому с возрастом пропадал интерес.

В Кожве мне нравились праздники в школе. Они проходили как-то по домашнему, без официоза. Развлечения были похожи на народные игры. Я потом видел учебники и пособия для педучилищ и для института культуры, который готовил работников для клубов и школ. Оказывается, там было столько народных танцев и песен! Особенно меня поразила игра, когда две шеренги игроков выстраивались друг перед другом на максимальном расстоянии, буквально прижимаясь спинами к противоположным стенам зала. Игра состояла в том чтобы эти шеренги по очереди в вызывающей манере как бы наступали на соперников, напевая или декламируя хором некое дерзкое заявление. С громким топаньем начиналась игра. Шесть энергичных шагов в перед: «А мы просо сеяли, сеяли!». И сразу повторение куплета но при этом шесть шагов назад. Соперники не остаются в долгу и делают свой выпад: «А мы просо вытопчем, вытопчем!» Перепалка сопровождаемая энергичным топотом, продолжается долго, соперники предъявляют друг другу все новые ответы и заявления. Потом вроде как кто-то у кого-то захватывает коней, и требует в качестве выкупа красну девицу. Топот,

грохот, хохот, особенно когда начинают играть старшеклас-ники и учительницы. Думаю, что эту игру взяли из учебника. В разных школах, а потом в санаториях и домах отды-ха, я всегда видел баяниста и культ работника. У них был один и тот же репертуар. На вечеринках и танцах все знакомо и привычно. Это свой значительный пласт массовой культу-ры, и никакой партийной пропаганды там не было. Впрочем, и сейчас развлечения тоже стандартные. Вставил диск с ка-раоке и вперед.

Местное население

Мы с местными пацанами ходим курить в старые баржи. Я ворую у отца махорку и папиросную бумагу. Мы сидим на теплых шпангоутах и крутим сигарки. Я ловкий и научился это делать мастерски. Я Но толком не знаю, что делалось на строительстве моста. Наверное, строительные работы мостов не прекращались долго после того, как открывалось движение. Первые поезда и эшелоны двигались медленно и были небольшие. Потом постепенно дорога и мосты укреплялись, скорость движения возрастала, длина составов и грузоподъемность вагонов увеличивались. По мосту через Печору часто шли поезда с углем из Воркуты. Я думаю, что было очень важно увеличивать объем перевозок. Донбасс захвачен и Воркутинский уголь спасал положение. Наш дом стоял очень близко от моста. Я помню, что пока мы жили в Кожевье, на мосту все время шли какие-то работы. Трещали пневматические молотки, мерцала электросварка. Поезда становились длиннее, скорость их увеличивалась, росло и количество поездов. В отдельные дни они шли почти непрерывным потоком.

На Печоре скорее всего была именно такая производственная текучка (как и сегодняшние ремонты, когда отменяют электрички). У меня уже нет ~~было~~ времени обходить стройку, как у моста через Усу, когда я еще не ходил в шко-

ду и детей моего возраста не было. Здесь, в Кожеве мы жили в большом старинном поселке, где у самого леса была большая школа, пристань, затон, рыболовецкий совхоз. У меня много сверстников. Как всегда, в провинции дети сбивались в разновозрастные компании, в которых проводить время с утра и до вечера было очень интересно. Мои воспоминания о жизни в Кожеве мало связаны непосредственно со стройкой. Быт в Кожеве мало зависел от зоны. Были обыкновенные магазины, столовые, бани, медицинские пункты, железнодорожная станция. Но жизнь и обстановка, в принципе, мало отличались от жизни на Усе. Местные жители жили очень бедно и скромно, особенно рядовые работники местного хозяйства. Мало у кого было в доме такое количество книг, одежды и предметов обихода, как у нас дома. Служащие Гулага, в том числе специалисты из числа заключенных, жили материально лучше местных. Сказывалось наличие спец. снабжения. Я мог утащить из дома курево. Мои дружки нет. У многих не было отцов. Местные дети были плохо одеты. Но все прекрасно бегали на лыжах, были на ты с лесом и рекой. Умели делать в своем доме все. Девятилетние пацаны похожи на маленьких мужиков. Я таскался с ними везде и лишь один раз упал с крыши старого вагона и сильно ушибся. Помню, как один раз мы поработали на разгрузке вагона. Мужик из сельпо нанял нас разгружать соль. Она была расфасована в небольшие плотные мешки весом килограммов 10. Мешки надо сбросить с платформы и уложить в куч-

ки на обочине. Как всегда простои вагонов были недопустимы. За работу мужик разрешил нам взять из порвавшихся мешков соли сколько унесем. Я насыпал соль во все карманы и даже в сапоги. Дома меня похвалили, так как соль была в дефиците.

Печорская семга

Скоро я понял, почему соль была в добротных мешочках. Это была очень качественная соль. Это доказали наступившие вскоре события.

Как—то в сентябре, поздно вечером, на реке появились огни. Много огней. Это были лодки с «козами» – железными решетками, закрепленными на носу. В козах ярким желтым пламенем горело «смолье» – наколотые на кубики просмоленные части вершин сосен. На носу стоял человек с острой, на веслах второй. Начался осенний ход печорской семги. Все работоспособное население совхоза было на реке.

Ход продолжался не долго. Но рыбы взяли много. И разгруженный нами вагон соли пошел в дело. Рыбные склады совхоза были недалеко от нашего дома.

Однажды вернувшись из школы я увидел на кухонном столе огромную рыбину, которую принес в подарок. зав. складом, сосед и собутыльник моего непьющего отца. Нянька не знала, что делать с этой рыбой. Сосед подробно объяснил няньке, как надо нарезать и подавать хозяевам на стол эту малосольную семгу трехдневного посола, где ее надо хранить, что под нее пить. Предложил все лично продемонстрировать. Нянька налила ему пол стакана спирту. Он выпил спирт, запил глотком холодной воды, заел маленьким бело-розовым, куском рыбы и ушел слегка покачиваясь. Нянь-

ка сказала, что он и с рыбой под мышкой тоже покачивался. И эта семга, конечно, в кладовке не залежалась. Такую вкусную рыбу я больше никогда не пробовал.

Тогда на Печоре семгу не ловили в сети и неводы. Ее осенью «кололи» острогой в затылок и кидали в лодку. Рыба вскоре выгружалась, потрошилась и тут же солилась в сухую. Я знаю, что настоящие рыбаки не любят рыбу мыть водой. Мне кажется, что ту малосольную рыбину водой не мыли.

Про сложности личной жизни

Однажды мне сообщили, что Георгий Владимирович Черквиани приехал в Кожву и зовет меня в гости. В то время еще осталась мода использовать в качестве передвижного жилья и кабинета специально оборудованный вагон. Традиция уходит корнями в 19 век. Вагон стоял в тупике, недалеко от конторы. Идти было близко, и вот я в уютном вагоне за столом. Дневальный Павел (хорошо помню его рябое лицо!), печет блинчики, а мы с Георгием Владимировичем пьем чай. Хозяин – сухощавый красивый молодой грузин, аристократической внешности (наверное князь), одет в идеально сидящий полувоенный костюм: защитного цвета френч, темно-синие галифе, хромовые сапоги. Расспрашивает про житье-бытье, я восьмилетний пацан – второклассник, что-то рассказываю. Потом он дарит мне безделушку и отправляет домой. Ничего не передает родителям.

Здесь надо немного вернуться назад. С Георгием Владимировичем наша семья – Гера, Володя и мы сестрой знакомы с довоенных времен. Они с Володией работали в одной конторе. В 1940-м году мы по дороге в отпуск к неустроенному Володе ночевали в доме у Георгия Владимировича. Наверное, он был повыше в должности и, самое главное, быт его был хорошо устроен. Он жил в большом доме и ждал приезда жены с ребенком. На Усе мы год жили в его большой квар-

тире. Там была большая гостиная, отдельные комнаты для Геры с Володей и для нас с сестрой. В одной из комнат жил еще один парень грузин – некто Симонишвили. Жена и сын Георгия должны были приехать через полгода. Жизнь в этом «молодежном общежитии» протекла весело и интересно. Гера слыла затейницей, любила видеть вокруг себя молодых мужчин, и они тут были, да еще такой набор! Кореец и два грузина. Одно из развлечений было таким: мужчины кидали меня друг другу, как мяч через всю комнату. Я орал как зарезанный – было страшно. А они хохотали. Георгий Владимирович, долго живший без семьи, очень ко мне привязался. Любовь взрослых ко мне не всегда была понятна. Видимо, бывают такие случаи, когда маленький ребенок нравится взрослым, как котенок или щенок. А я еще был очень умный. Умнее всех взрослых и они это признавали. Однажды кто-то предложил решить такую задачу: «Два поезда, по 60 вагонов в каждом, должны разъехаться на станции, где есть тупиковая ветка только на 30 вагонов». Целый вечер молодые инженеры не могли решить эту задачу. Я ее решил за 10 минут. Но еще пришлось целый час объяснять каждому из них, как надо при этом действовать.

Но дело усложнилось. Гера и красавчик Георгий Владимирович вспылали друг к другу большими чувствами, усиленными твердыми границами, через которые никто не смел переступить. Оторванные от возможности физической бли-

зости, их чувства выливались в поступки. Гера рванула на Алтай доучиваться, Георгий Владимирович срочно и категорически вызвал жену Тамару, которая, как выяснилось, просто не хотела ехать из Ташкента на север. А Володя, когда уехала Гера, переехал с нами и кухаркой в свою отдельную квартиру и скоро завел шашни с соседкой, пышнотелой медсестрой Валентиной. Он особенно нас не стеснялся. Тетя Валя регулярно приходила помочь по хозяйству и часто оставалась ночевать. Она была спокойной доброй, и мы были не против ее визитов. Когда через полгода вернулась Гера, Черквиани уже уехали на другой объект, а мы с сестрой в первый же вечер «продали» Володю с потрохами. Гера швырнула тарелку в Володю и пошла топиться. Мне сейчас понятен ее гнев. После того, как она вырвала любовь из сердца и уехала в ссылку на полгода, муж, которому она сохранила верность банально загулял. Все кончилось хорошо, но, как я теперь понимаю, родители больше не общались с Черквиани. Его брак оказался неудачным. Жену и сына он не любил. Наверное, он долго любил Геру. И любил меня, как напоминание о ней. Всё, что я здесь написал, может быть просто плодом моей фантазии. Но нет другого объяснения тому факту, что Георгий Владимирович остановился на пару дней в Кожве, чтобы повидать меня.

В мае 1944 года у Геры родилась дочь Татьяна. Первый ребенок достался Гере трудно. Она была миниатюрная, а у ребенка оказалась большая головка, как оказалась

не зря: Татьяна выросла умницей. Роды проходили дома, длились 10 часов. Принимал роды Семен Михайлович, он был врачом нашего лагеря, и нашим семейным врачом еще с Усы. На воле, он был успешным хирургом. Сильные руки, властный голос, решительные действия. Мы с сестрой всегда с удовольствием ходили к нему в медпункт. Там в больших огромных деревянных корытах лежал проросший горох, стояла бочка с кислым напитком из ржаной муки, который называли дрожжами. В большой коробке всегда хранился порошок шиповника. Все это входило в обязательный рацион зоны для профилактики цинги. Все эти витамины казались нам лакомством, и мы брали их домой с удовольствием. Лето 1944 года прошло, как обычно, но в декабре мы сгорели дотла. А перед этим вернулась Валя.

Как-то вернувшись домой, увидел за общим столом цветущую женщину со знакомым лицом. Гера сказала: это, наконец, вернулась ваша мама. Но вы зовите ее Валя, чтобы не путаться, так как по документам ваша мать это я. А Валя ваша тетка, она пока поживёт у нас, а потом будет видно. Вале только 42 года, она здорова и энергична. Трудоголик по натуре, да еще после успешной работы в своем лагере, она ни дня не просидела дома. Устроилась работать в плановый отдел, где успешно проработала много лет. Валя появилась вовремя. У Геры маленький ребенок. Гера уставала, так как физически была слабенькой. Не то что Валя, которая все в нашем доме взяла в свои руки. Отсидев 6 лет

в лагере, она быстро поставила все на место, приструнила заключенную прислугу, которую разбаловала Гера. Валя была профессиональной революционеркой, знала подпольную работу, нелегальные методы перехода границы, конспирацию. Вдобавок умела руководить, так как была бригадиром в лагере. В 1957 году Валью реабилитировали, она получила квартиру, в которой поселилась со вторым мужем, тоже бывшим заключенным, и сыном, родившимся на севере. Она восстановилась в партии, с головой ушла в партийную работу, дожила до преклонного возраста. Не одобрила и не признала произошедшие перемены. Молодых людей из общества «Мемориал», пытавшихся принести ей гуманитарные пайки, она не пустила на порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.